

Лисициан С. Армянские старинные пляски. Ереван, 1958. Т. I; 1983. Т. II.
Лисициан С.Д. Очерки по этнографии дореволюционной Армении // Кавказский этнографический сборник. 1955. Т. 1.
Орбели И.А. Топографический и этнографический очерк Мокса // Историко-филологический журнал. Ереван, 1977. № 2.

В.А. Дмитриев

АДЫГИ НЕ ПРОДАВАЛИ СТРОЕВОЙ ЛЕС И НЕ НОСИЛИ УКРАШЕНИЙ ИЗ МОНЕТ

Н.И. Карлгоф, в 1845–1854 гг. начальник штаба Кавказской береговой линии, в 1854–1858 гг. оберквартирмейстер Отдельного Кавказского корпуса, имел большой опыт общения с горцами Западного Кавказа. Поэтому следует с вниманием отнестись к его замечаниям. Он, в частности, сообщал: «Главное богатство края составляет строевой лес, но горцы никогда не занимались лесной промышленностью в размере, соответствующем обилию материала. Ближайшие к нашим поселениям жители привозят к нам на продажу дровяной лес и в небольшом количестве строительный, но последний, добываемый не в горной полосе, а в тех лесных участках, из которых вывоз не требует большого труда, лес принадлежит не к лучшим породам, мелок и крив. По привычке к труду горцы не пользуются хорошим строевым лесом даже и для собственных надобностей, предпочитая прочным деревянным постройкам, требующим затруднительного вывоза леса из гор, легкую постройку — плетенной из хвороста, обмазанной глиной, саклей, состоящей из двух небольших комнат, мужской и женской половин» [Карлгоф 2004: 121].

Сегодня мы можем признать замечание опытного колониального администратора и хорошего наблюдателя проявлением определенного непонимания явления, взглядом на чужую культуру со своей позиции. Есть и другие замечания, оцени-

вающие культуру кавказских горцев, в том числе адыгов, со стороны, и в их массе постепенно вырисовывается ее подлинный облик.

Адыги действительно не строили дома из хорошего леса, хотя западным адыгам срубные конструкции были известны, но они строились по особым случаям [Торнау 1999: 271–272]. Преобладал тип легкой постройки, о котором другой русский источник писал: «Исправление горских жилищ не стоит дорого и не занимает много времени: нарубил под боком в лесу хвороста, заплел незатейливую саклю, обмазал ее тут же находящейся под ногами глиной — и жилище готово» [Короленко 2004: 354]. В этом сообщении главное то, что легкие стены западно-адыгского жилища менее всего являлись границами, отделявшими дом от леса. Не случайно российскими источниками такие адыгские горские социумы, как хакучи, абадзехи оценивались как «люди леса», имевшие особые навыки коммуникации в лесу [Дьячков-Тарасов 2004: 600, 616]. С. Броневский назвал жизнь адыгов «привычкой к открытому воздуху», и Хан-Гирей согласился с ним [Хан-Гирей 2008: 269].

Ф. Дюбуа де Монпере отмечал наличие деревьев на усадьбах адыгов, когда писал, что «для черкесов деревья и леса являются первой необходимостью». В его описании поселение адыгов — «жилища, разбросанные там и сям среди деревьев — дубов, ясеней, грушевых и сливовых, прекрасных вязов, грабов, которых не тронул топор, и которые освежают все вокруг своей тенью в жаркий сезон.<...> Участки окружены деревьями или лесами» [Дюбуа де Монпере 1974: 436].

Создавая новую усадьбу, адыги сначала сажали деревья, а оставшиеся от старых хозяев не вырубали. В селении сажали деревья в общественных местах. Существовал обычай сажать деревья на могилах, плоды с таких деревьев предназначались для представителей всего животного мира. При рождении человека высаживалось плодовое дерево — яблоневое или грушевое для мальчика, слива или алыча для девочки, данный обычай широко распространен в разных частях мира, у человека появлялся как бы побратим в мире деревьев. Плодовое дерево можно было срубить только тогда, когда оно не плодоносило более семи лет,

некоторые породы деревьев вообще нельзя было вырубать. Можно сказать, что усадьба не выделялась из леса, а буквально встраивалась, вживлялась в него.

У западных адыгов существовала особая «подпитка» жизненного пространства принесенными из леса предметами. Примером такого действия является использование деревянного шеста-посоха. По сведениям А.Я. Люлье, «в прежнее время присягали на посохе, вырубленном в священной роще, <...> и произносимую клятву начинали словами: “Я клянусь тем, кто создал эту ветвь”» [Люлье 2004: 92].

Еще большее значение имело принесение из леса т.н. идола Созереша — обрубка дерева с семью сучьями [Шортанов 1982: 116–129]. И. Бларамберг писал, что Созереш воплощен в молодом грушевом деревце, которое черкесы рубают в лесу [Бларамберг 1874: 374]. Созереш был одним из значимых божеств традиционной мифологии адыгов, покровителем растительности и земледелия, а его «идол» — часть дерева с семью отростками, домашним святилищем, возводившимся для общенационального символа.

Земледельцы-адыги не стремились к полной расчистке леса ради посева зерновых. Лес оставался по периметру пахотного участка, защищая его от зноя и ветра. Отдельные крупные деревья оставались на самом участке, чтобы предотвратить эрозию почвы, предупредить ее сползание и смывание дождями, но их главной функцией было задерживать влагу в верхних слоях почвы, что питало посевы. Дерево для этого окоряли, существенно уменьшая его жизненную активность. Дикорастущие плодовые деревья служили подвоями для культурных растений, что зачастую соединяло фигуры охотника и садовника.

Н.Н. Клинген назвал такую систему лесо-хлебной [Клинген 1897: 42–43, 47, 49]. Систему из леса и поля вместе сохраняло склоновое шадящее местность террасирование, обеспечиваемое подпорными стенками. Немаловажным обстоятельством являлось сохранение освоенных земель в семейном наследственном владении [Калоев 1981: 57]. Лес воспринимался в народном сознании как гарантия продовольственной безопасности и самой жизни [Хотко 2005: 26–27].

В источниках по этнографии адыгов отмечено почитание священных рощ: у адыгов «нет ни особых строений для молитвы, ни жертвенников; храмом им служит заповедная роща под открытым небом» [Люлье 2004: 71]. Рощи, как правило, группировались по долинам горных рек и закреплялись за определенными социальными единицами, создавая своеобразную сакрально-фамильную сеть Черкессии. В описании Т. Лапинского место моления выглядело как часто встречающийся, находящийся в роще комплекс культовых предметов, принадлежащий общине и напомнивший ему священную дубраву друидов [Лапинский 1995: 82–88].

Сакральными местами выступали отдельные деревья, рощи из крупных деревьев, очищенные от подлеска, рощи, в которых были одно или несколько крупных деревьев. Особо выделялись деревья, пораженные молнией [Люлье 2004: 80]. Священные рощи состояли из больших деревьев, все пространство было очищено от подлеска [Лонгворт 1974: 548].

В сочинении К. Пейсонеля присутствует тезис о наличии в Черкесии замечательного дерева, окруженного большим почитанием, идущим вплоть до идолопоклонства.

Сакральным предметом оказывалось практически любое дерево. Адыги верили, что срубленный у священного дерева сук лишит жизни виновного в этом проступке, погубленное дерево лишит жизни всю семью, а уничтожение рощи ведет к уничтожению всего рода, которому она принадлежала [Вейденбаум 1878: 159]. С этим, несомненно, связана ожесточенная защита рощ от порубок и просто захвата врагом в годы Кавказской войны. Совокупность рощ — лес — в таком случае должен был уподобляться народу.

В результате становится понятным, что ни одно крупное дерево не могло быть срублено ради профанных целей, а на продажу могло попасть только то, что являлось результатом очистки леса.

Еще одним примером своеобразия адыгской культуры является отсутствие в украшениях одежды адыгов монет, что особо примечательно на фоне их обилия в costume народов Северо-Восточного и Южного Кавказа.

Е.Н. Студенецкая, досконально изучившая соответствующее собрание РЭМ и накопившая гигантский объем полевой информации, указывает фактически на нетипичность использования монет в женских украшениях адыгов, балкарцев, карачаевцев и осетин, рисуя совсем другой вид внесения ювелирных украшений в женский костюм, в основном нашивных украшений и мелких пуговок из золотной нити. У адыгских народов ношение большого количества украшений считалось признаком дурного вкуса. Увеличение числа украшений для народов Северного Кавказа отмечается только на востоке у чеченок, как правило — зажиточных. У мужчин украшениями были серебряные детали пояса и газыри, у девушек и молодых женщин пояс и нагрудная застежка. Понимается, что единственным украшением мужчины является оружие. Возможно, монету могли иметь при себе, но как скрытый амулет, а не как украшение одежды. У женщин украшения-амулеты или пластинки иногда нашивались на боку под рукой, где они не были видны посторонним [Студенецкая: 1989: 93–96; 199–208].

Однако известно, что для народов Северного Кавказа серебряная монета была выдающимся сакральным предметом. Одно из ее назначений — использование в жертвоприношении. Осетины, карачаевцы, балкарцы, горные адыги, абхазы оставляли монету в числе других предметов (пуля, пыж, кусок материи и т.п. — все части какого-то целого) в кучах набросанных камней около перевалов и у перекрестков дорог. Следует отметить, что у адыгов монета служила сакральной мишенью в стрельбе из ружей и пистолетов или была среди тех предметов, овладение которыми было признаком ловкости в джигитовке. Например, нужно было поднять на полном скаку с земли монету. У кабардинцев существует термин Абасэкъашьгэ — букв. «подхватывание абаза», в современной трактовке — двадцатикопеечной монеты.

Отсутствие монет в женском костюме адыгов следует в первую очередь трактовать как результат воспроизведения в одежде девушек и молодых женщин, особо из среды знати, принципов конструирования мужской одежды, заключавшихся в создании костюма воина. Этим принципиально исключается использование амулетов шумящего и звенящего действия, в функции кото-

рых монета чаще всего выступала в одежде народов Кавказа. Снижены и другие значения, которые могут рассматриваться как символическое отражение в монете свойств, связанных с женским началом (монета как щиток, монета как кружок).

Приведенные материалы дают представление о значимости тех признаков, которые представляются через отсутствие в культуре каких-либо явлений.

Библиография

Бларамберг И.Ф. Историческое, топографическое, статистическое, этнографическое и военное описание Кавказа // Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII–XIX вв. Нальчик, 1974.

Вейденбаум Е.Г. Священные рощи и деревья у кавказских народов // Известия Кавказского отделения Императорского Географического общества. Тифлис, 1878. Т. 5. № 3.

Дьячков-Тарасов А.Н. Абадзехи (Историко-этнографический очерк) // Ландшафт, этнографические и исторические процессы на Северном Кавказе в XIX — начале XX века. Нальчик, 2004.

Дюбуа де Монпере Ф. Путешествие по Кавказу, к черкесам и абхазцам, в Колхидию, Грузию, Армению и в Крым // Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII–XIX вв. Нальчик, 1974.

Карлгоф Н.И. О политическом устройстве черкесских племен, населяющих Северо-Восточный берег Черного моря // Ландшафт, этнографические и исторические процессы на Северном Кавказе в XIX — начале XX в. Нальчик, 2004.

Клингген И.Н. Основы хозяйства в Сочинском округе. СПб., 1897.

Короленко П.П. Закубанский край (К истории Западного Кавказа) // Ландшафт, этнографические и исторические процессы на Северном Кавказе в XIX — начале XX в. Нальчик, 2004.

Латинский Теофил (Тэффик-бей). Горцы Кавказа и их освободительная борьба против русских. Нальчик, 1995. Т. 1, 2.

Лонгворт Дж.А. Год среди черкесов // Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII–XIX вв. Нальчик, 1974.

Люлье Л.Я. Верования, религиозные обряды и предрассудки у черкесов // Ландшафт, этнографические и исторические процессы на Северном Кавказе в XIX — начале XX в. Нальчик, 2004.

Студенецкая Е.Н. Одежда народов Северного Кавказа. XVIII–XX вв. М., 1989.

Торнау Ф.Ф. Секретная миссия в Черкесию русского разведчика барона Ф.Ф. Торнау. Нальчик, 1999.

Хан-Гирей. Записки о Черкесии. Нальчик, 2008.

Хотко С.Х. Ландшафт и агрикультура Северо-Западного Кавказа в освещении русских источников // Старые черкесские сады. Ландшафт, агрикультура Северо-Западного Кавказа в освещении русских источников. 1864–1914. М., 2005. Т. 1.

Шортанов А.Т. Адыгская мифология. Нальчик, 1982.

Н.Д. Кодзоев

АСТРОНОМИЯ И МИФЫ ИНГУШЕЙ

У ингушей в средневековье имелись некоторые знания об астрономии и астрономических объектах. Ингушские жрецы наблюдали за звездами, могли предсказывать природные явления, затмения солнца и луны. К примеру, представление о форме Земли (инг. Лятта) жрецы имели близкое к современным знаниям: считали, что Земля имеет форму яйца [Ахриев 1875: 8].

В Горной Ингушетии известны места, где в древности и в средневековье находились обсерватории, в которых жрецы вели постоянное наблюдение за небесными светилами. Одна из таких обсерваторий, находилась вблизи башенного поселения Кейрах в Арамхинском ущелье на месте, которое называлось Седкъа босие — «Склон Звезды». «Согласно преданиям, данную обсерваторию вплоть до середины XIX столетия обслуживали “мудрые и всезнающие старцы Эсмурзиевы”» [Чахкиев 2003: 48].

Для обозначения неба в ингушском языке имеется два слова: *сигале* и *ане*. В разговорной речи в основном употребляется слово *сигале*, в то время как слово *ане* употребляется намного реже — чаще в фольклорных и художественных произведениях. В фольклоре иногда различают два неба — восточное (*ане*) и западное (*анзе*; букв. «противоположное ане»). Слово «ане» явля-